

UDC: 811`37:81`366.5

[https://doi.org/10.20235/lc.2011\(2\).06](https://doi.org/10.20235/lc.2011(2).06) | [Research Article Citations](#)

АСИММЕТРИЧНЫЙ ДУАЛИЗМ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЕ В РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ /

ASYMMETRICAL DUALISM OF THE LINGUISTIC SIGN AND ITS MANIFESTATION IN SPEECH COMMUNICATION

Fanira SAMIGULINA

Associate Professor, Ph.D.

(Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation)

fgsamigulina@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5096-1529>

Abstract

The article examines the actually problems of how the communicative meaning would be realized on the ground of grammar categories, the mechanisms and specific character of its creation.

Keywords: *oppositions of the grammatical categories, communicative sense, category of the intensity, illocutionary act*

Rezumat

În articol, se examinează felul în care este transmisă semnificația comunicativă prin categoriile gramaticale.

Cuvinte-cheie: *opoziția dintre categoriile gramaticale, sens comunicativ, categoria intensității, act ilocutiv*

Содержание и форма языкового знака, как отмечал С.О. Карцевский, пребывают в состоянии подвижного равновесия и характеризуются стремлением к нарушению такого равновесия, так как коммуникативные потребности заставляют нас искать новые способы для обозначения прежнего содержания, и они же толкают говорящих к переосмыслению формы, наполнению ее новым содержанием, что отражается в асимметричном дуализме знака (Карцевский, 1965, с. 85). При этом значения слов и грамматических форм транспонируются, преобразуются и усложняются так, что обозначающее знака стремится обладать иными функциями, нежели его собственные, а обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными, косвенными средствами, нежели его собственный знак (Рябцева, 2005, с. 356). Таким образом, асимметрия – это преобразование семантики слова или грамматической формы, которая способна при этом усложняться контекстуальной многозначностью, так что форма, приобретая новую, необычную для нее, переносную функцию, не теряет исходной, но приобретает при этом еще и дополнительную нагруженность и потому усложненность текста, порождает особый «семантический фон» – оценочный, модальный, эмоцио-

нальный (Ковтунова, 1986, с. 166-171), тем самым создавая особую напряженность между языковой формой и смысловым контекстом и отражая творческое начало в использовании языка – рождение новых смыслов (Рябцева, 2005, с. 356).

Всё сказанное выше относится и к уровню грамматической семантики. Так, в любом дискурсе (письменном или устном) часто встречаются оппозиции грамматических категорий, реализующие не столько свое грамматическое значение, сколько передающие дополнительную эмоциональную информацию, например:

«Но, к сожалению, до суда эти преступления *не доходили, не доходят и не дойдут*» (ТВ).

«Я любила, люблю и буду любить Осю больше брата, больше мужа, больше сына. Про такую любовь я не читала ни в каких стихах» (Л. Брик).

«Светит солнце, идут люди, стоят у лавок очереди ...опять тупость, безнадежность, опять впереди пустой долгий день, да нет, не *день*, а *дни*, пустые, длинные, ни на что не нужные! Зачем жить, для чего» (И. Бунин)?

Это связано с тем, что человек вкладывает в язык и извлекает из его использования гораздо больше информации, чем осознает и вербализует. В данном случае значимым свойством языка выступает его способность запечатлевать и передавать имплицитные смыслы, то есть какую-либо неявно выраженную информацию, в частности, эмоциональную.

Количественная характеристика (интенсивность) является одним из важнейших параметров классификации эмоций. Выделенность сигнала, его интенсивность, ведет к экспрессивности. Экспрессивные элементы позволяют оптимально выразить, передать содержание сообщения, способствуют достижению психологических целей. Это характерно и для использования в речи оппозиций грамматических категорий. Данные экспрессивные средства подчеркивают, усиливают содержательный сигнал сообщения, позволяя тем самым воспринять имплицитные смыслы. Они способствуют трансформации логического содержания высказывания. Интенсификация высказывания за счет употребления одновременно двух членов оппозиции грамматической категории времени способствует трансформации логического содержания, появлению имплицитного метасмысла: «уверенность, убежденность говорящего в сказанном»:

«Промотает он ее, голубушка! Дом *промотал* - и деревню *промотает*» (М. Салтыков-Щедрин).

Здесь наблюдается проявление коннотативного значения у оппозиции грамматической категории времени в дополнение к основному грамматическому, что возможно благодаря асимметричности языково-

го знака, способствующей преобразованию семантики грамматической формы, ее осложнению контекстуальными смыслами. Всё это ведет к большей смысловой нагруженности высказывания в целом и порождает эмоциональный семантический фон. В результате возникшей напряженности между языковой формой и смысловым контекстом появляются новые смыслы. Так, в приведенном выше примере оппозиция грамматической категории времени передает большее количество информации: она не только реализует свое основное грамматическое значение, но и передает новую дополнительную информацию в своем коннотативном значении (убежденность в сказанном):

«Этого не произошло и не произойдет. Я вас уверяю, есть масса вещей не просто неизвестных, а в какой-то степени непознаваемых нашими современными методами» (газ.).

Известно, что элементам языковой системы свойственны два типа фундаментальных отношений (парадигматические и синтагматические), которые в свою очередь базируются на двух способах мыслительных операций: селекции и комбинации. Селекция и комбинация языковых знаков осуществляется еще до реализации в речи. В ней зримо представлена только одна сторона мыслительных операций – комбинация единиц. Естественно, что два плана языка находятся в тесной связи. Как показывают исследования в области нейролингвистики, их взаимодействие составляет основу выражения любых языковых значений. Но результатом взаимодействия двух осей языка может явиться и возникновение экспрессивности. Это происходит, если нарушается граница между этими осями. Например, при использовании в речи всех частных грамматических значений какой-либо грамматической категории, когда парадигма превращается в синтагму, то есть принцип оппозиции проецируется с оси селекции на ось комбинаторики. В данном случае происходит отклонение от нормы. Экспрессивный эффект возникает из-за того, что принцип эквивалентности, лежащий в основе отношений на оси селекции, используется в отношениях на оси комбинаторики как противопоставление и сопоставление равноценных (в лексическом плане, но вариантных в грамматическом) форм. При этом «значительное число явлений, связанных с творческим процессом, имеет в своей основе именно это нарушение, словно существует связь между эстетикой и отклонением от нормы...» (Барт, 1992, с. 155). При передаче рациональной информации на оси комбинаторики актуализируется лишь один член виртуальной оппозиции какой-либо категории. Нечто иное происходит, если создавать высказывание, последовательно присоединяя друг к другу, например, временные формы одного глагола:

«...Террором ничего поделать нельзя с животным, на какой бы ступени развития оно ни стояло. Это я *утверждал*, *утверждаю* и *буду утверждать*...» (М. Булгаков).

Здесь «наложение» друг на друга языковых осей влечет за собой видимые изменения смысла. В основе использования оппозиций грамматических категорий на оси комбинаторики лежит сознательно достигаемое напряжение между принципом сходства и принципом различия. Как и всякая категория знакового уровня грамматическая категория является двухплановой (план содержания – грамматическое значение; план выражения – парадигма словоформ, объединенных общим значением этой категории). Однородные частные грамматические значения, заключенные в общее ядерное значение, противопоставлены друг другу в пределах данного значения характером конкретного содержания, например, категория числа расчленяется на значения единственного и множественного. Таким образом, в структурном аспекте грамматическая категория представляет собой оппозицию составляющих ее грамматических значений. Как известно, грамматическое значение обладает особым семантическим содержанием (отражает качественные, количественные, временные и другие характеристики реальной действительности) и входит в систему семантических оппозиций. Оно организует язык в целом, «опосредуя выражение элементами языка не только рационального, но и эмоционального сознания» (Блох, 1986, с. 5). Это положение обуславливает потенциальные экспрессивные возможности грамматических категорий.

Грамматическая категория может реализовываться в любой парадигматической системе словоформ, но минимальная граница – двучленность. Двоичные оппозиции воспринимаются всегда эмоционально. Это явление достаточно полно описано в работе В.В. Иванова, в которой он характеризует двоичное противопоставление как эмоциональное противопоставление, так как оно связано с первичной классификацией мира на полезно и вредно (Иванов, 1978, с. 104-107). При этом члены бинарной оппозиции грамматической категории в эмоциональном дискурсе на оси комбинаторики структурируются двумя способами: либо противопоставляются («Князь Шуйский удавился? Иван Петрович? Лжешь! *Не удавился – удушен он!*» (А. Толстой); «Ирак стоит перед выбором: *разоружиться* или *быть разоруженным*» (ТВ)), либо сопоставляются («Они/мнимые специалисты/книжки видали, книжки заучили, книжки повторили и в книжках ничегошеньки не поняли. Бывают такие *ученые* и даже *ученейшие* люди» (В. Ленин); «Я говорю себе - *будут и горше* страницы, *будут горчайшие*, *будут последние строки*» (Ю.Д. Левитанский)). Приобретаемое дополнительное коммуникативное значение всегда формируется на базе основного грамматического значения (является его следствием) и передает эмоциональную информацию об отношении говорящего к сказанному, о его стремлении воздействовать на воспринимающего высказывание в желаемом направлении, так как высказывание, текст всегда прагматически определены.

Существует два типа коммуникативных установок: информировать и повлиять. Оппозиции грамматических категорий как средство создания экспрессивности чаще применяются для реализации второй установки. Так, для создания убеждающего высказывания используется принцип симультанной реализации двух или трех семантических компонентов структуры грамматического значения одной и той же грамматической категории:

«Ты не совсем прав. Такие люди, как Владимир Семенович Высоцкий, как Александр Розенбаум, начинали изучать совершенно изменившийся во времени теневой, назовем его так, мир... Но сами эти достойнейшие люди никогда не переступали и не переступят букву закона» (газ.).

Глагольные формы, взятые по отдельности, сообщают о времени протекания действия, а в совокупности «убеждают», что это действие будет происходить постоянно, без изменений:

«Без риска никогда никто заработать не мог, не может и не сможет» (ТВ).

«Я на шестнадцать аршинах сижу и буду сидеть» (М. Булгаков).

Таким образом, экспрессивный эффект на грамматическом уровне языка объясняется с учетом количественно-качественных отношений между членами оппозиции одной грамматической категории. Изучение категории интенсивности в языке, ее анализ в парадигматическом аспекте полярности на грамматическом уровне позволяет высказать положение о поляризации смысла в связи с поляризацией формы, что согласуется с известным законом Вебера-Фехнера о силе ощущений. Это в свою очередь показывает детерминированность способности имплитировать больший объем практически значимой информации в дискурсе и выражать его минимумом языковых средств особенностями работы мозга. Специфика мышления человека и его восприятия определяет способы категоризации и концептуализации знаний о мире, в частности особенности репрезентации количества в языковой картине мира, его прагматическую заданность в условиях коммуникации. Количественная интерпретация всегда имеет аксиологический смысл. Так, в психологии восприятия интенсивность проявления признака какого-либо явления и отношение к нему почти всегда тесно связаны друг с другом, имеют большую практическую значимость в жизнедеятельности человека, по сути, выходя далеко за рамки количественно-градационной интерпретации окружающего (Рябцева, 2005, с. 542-544). Поэтому количественная интерпретация играет особо важную роль в категоризации и концептуализации знаний о мире, что отражается не только в лексике языка, но и в грамматике и иллюстрируется прагматическим потенциалом идеи количества (интенсивности), репрезентированной в синтагматике в рамках оппозиции грамматической категории (Самигулина, 2008).

Заметим, что подобная функция оппозиций грамматических категорий (передача уверенности, убежденности) важна во всех видах речи, особенно в ораторской, где для теории доводов значимым является состояние оратора, как уверенность и неуверенность. В последнее время данное «средство убеждения» особо часто встречается в рекламных объявлениях:

«Современная магия виртуальных пространств и древнейшие традиции колдовства, использовавшиеся во благо, *помогли* многим. *Помогут* и вам»!

«Скидка 15% на все звонки...для тех, кто *говорил*, *говорит* и *будет говорить*...».

«Мы *побеждали* в прошлом, *победим* и сейчас».

В приведенных образцах выполняется один из главных советов риториков – не показывать хотя бы малейшего сомнения – благодаря применению оппозиции грамматической категории времени в качестве экспрессивного средства, усиливающего убедительность любого сообщения, что способствует формированию определенной установки его восприятия. Это возможно за счет того, что оппозиции глагольной грамматической категории времени при помещении их на ось комбинаторики могут передавать дополнительные значения, выходящие за пределы установленных значений для данной категории. В приведенных выше примерах частные грамматические значения времени расположены последовательно друг за другом в виде восходящей грамматической градации. При таком употреблении оппозиция грамматической категории времени приобретает на оси комбинаторики (помимо грамматического значения) коммуникативное значение уверенности убежденности говорящего в истинности сказанного. В данном случае важно не указание на конкретное время происходящего действия, гораздо важнее здесь указание на постоянство, на то, что данное действие вне времени, оно будет происходить неизменно, всегда:

«Любовь к службе *была*, *есть* и *будет*, и я никогда не откажусь от флота» (газ.).

«(о Дж. Лондоне) Его *читали*, *читают* и *будут читать*, потому что он дорога, сама идея дороги, воспетая им...» (П. Вайль).

Несмотря на различную лексическую семантику глаголов, обозначающих действие, общим коммуникативным смыслом для этих высказываний является значение уверенности, убежденности в сказанном. Оно возникает у оппозиции грамматической категории времени благодаря одновременной актуализации всех частных грамматических значений семантического пространства общего грамматического значения. Схематично модель такого употребления оппозиции категории времени можно представить следующим образом: ПВ → НВ → БВ:

«Сердце – это самый важный орган у человека. О сердце много *говорили*, *говорят* и *будут говорить*» (ТВ).

При таком использовании временной парадигмы в экспрессивном дискурсе при помощи грамматических средств подчеркивается значение стабильности, неизменности. Акцентирование в данном случае происходит при помощи исключения других альтернатив. Со временем в сознании человека всегда связано понятие изменчивости, например: *Все течет, все изменяется; Времена меняются* и т.п. Но когда в высказывании каждая временная форма заполнена одним и тем же действием, то это действие как бы присутствует неизменным во все времена: прошлом, настоящем, будущем. Вследствие этого действие воспринимается как постоянное, неизменное. Количество частных грамматических значений, таким образом, порождает качественно новое значение - коммуникативное значение уверенности, убежденности в сказанном. Грамматическое значение, обозначающее конкретное время протекания действия, отходит на второй план. При подобном использовании временной парадигмы на первый план выходит коммуникативное значение, которое помогает передать мысль, чувство в убеждающей форме с целью усиления воздействия на воспринимающего данное высказывание:

«Ваял, ваяет и еще много нам *наваяет* наш обаятельный Семен Альтов (газ.).

«Мусор в прессе – это всегда *было*, всегда *есть* и всегда *будет*» (А. Мигранян).

По этой причине трехчленная оппозиция грамматической категории времени часто встречается в высказываниях, в которых передается не только личное убеждение в истинности сказанного самого говорящего, но и его желание воздействовать на мысли, настроение слушателя/читателя и убедить его в своей правоте, передать свое чувство, «заразить» им, например:

«Еще раз подчеркну, историю *переписывали*, *переписывают* и *переписывать будут*. Это и есть история» (В. Хотиненко).

«Насилие *было*, *есть* и *будет*» (М. Веллер).

Последовательное представление всех форм грамматического времени (прошедшее - настоящее - будущее) демонстрирует начало действия, его настоящее течение и уверенность в продолжении действия в будущем, что и проявляется в категоричности всей фразы. Поэтому этот прием часто используется в публицистике, известной своей эмоциональностью и желанием воздействовать.

Таким образом, экспрессивный дискурс, транслирующий эмоциональное значение, может формироваться в коммуникативном акте не только при помощи лексической, но и грамматической семантики. Способствуют передаче различных установок грамматические категории трех- и двучленной структуры, переведенные с оси селекции на ось комбинаторики в полном объеме или частично. Способ их расположения (сопоставление или противопоставление) отражается в спе-

цифике содержания коммуникативного значения и влияет на большую или меньшую экспрессивность конструкции. Тем самым, грамматический уровень имеет свой набор средств для передачи не только рациональной, но и эмоциональной информации. В связи с чем в речевой коммуникации благодаря асимметричному дуализму языкового знака возможно моделирование коммуникативной установки не только на уровне лексической, но и на уровне грамматической семантики.

Библиографический список

- Барт, Р. (1975). Основы семиологии. В: *Структурализм: «за» и «против»* (с. 114-163). Прогресс / Bartes, R. (1975). *Osnovy semiologii*. In: *Strukturalizm: «za» i «protiv»* (s. 114-163). Progress.
- Блох, М.Я. (1986). *Теоретические основы грамматики*. Высшая школа / Bloh, M.Ya. (1986). *Teoreticheskie osnovy grammatiki*. Vysshaya shkola.
- Иванов, В.В. (1978). *Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем*. Советское радио / Ivanov, V.V. (1978). *Chet i nechet. Asimmetriya mozga i znakovykh sistem*. Sovetskoe radio.
- Карцевский, С.О. (1965). Об асимметричном дуализме языкового знака. В: В.А. Звегинцев. *История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях* (часть 2). Наука / Karcevskij, S.O. (1965). *Ob asimmetrichnom dualizme yazykovogo znaka*. In: V.A. Zvegincev. *Istoriya yazykoznaniya XIX-XX vv. v ocherkah i izvlecheniyah* (chast 2). Nauka.
- Ковтунова, И.И. (1986). *Поэтический синтаксис*. Наука / Kovtunova, I.I. (1986). *Poeticheskij sintaksis*. Nauka.
- Рябцева, Н.К. (2005). *Язык и естественный интеллект*. Academia / Ryabceva, N.K. (2005). *Yazyk i estestvennyj intellekt*. Academia.
- Самигулина, Ф.Г. (2008). *Языковая семантика: реализация когнитивных и коммуникативных задач в дискурсе*. Изд-во ЮФУ / Samigulina, F.G. (2008). *Yazykovaya semantika: realizaciya kognitivnyh i kom-munikativnyh zadach v diskurse*. Izd-vo YuFU.